

2006

**На возвратном пути к имперской
благопристойности Заметки о Федеральном
законе Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N
53-ФЗ О государственном языке Российской
Федерации**

Виктор Живов

Follow this and additional works at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj>

Part of the [Slavic Languages and Societies Commons](#)

Recommended Citation

Живов, Виктор (2006) "На возвратном пути к имперской благопристойности Заметки о Федеральном законе Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ О государственном языке Российской Федерации," *Russian Language Journal*: Vol. 56: Iss. 1, Article 6.

Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol56/iss1/6>

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

На возвратном пути к имперской благопристойности Заметки о Федеральном законе Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ О государственном языке Российской Федерации

Cover Page Footnote

Социолингвистика не обладает четкими критериями, по которым можно было бы определить, что одна языковая политика поддается осуществлению, а другая – не поддается. Нет твердых знаний и о том, какие инструменты языковой политики эффективны, а какие нет. Государственные законы вряд ли относятся к действенным средствам языковой политики; тем не менее в ряде стран они принимаются, и некоторые их положения находят даже практическое применение (обычно создавая какие-то неудобства для жителей соответствующей страны). Такого рода законы возникают, как правило, на фоне распространяющегося среди политической элиты ощущения, что язык «портится», а источником порчи является языковое поведение части образованного общества, пользующейся иностранными языками, вырабатывающей свой жаргон (или жаргоны, в частности молодежные) и злоупотребляющей заимствованиями. Ощущения этого типа нередко оказываются элементом более общей социокультурной парадигмы, парадигмы *ressentiment*'а, удручения несоответствием между чаемым величием страны (частично утерянным) и понижающимся статусом национальной культуры.

**На возвратном пути к имперской благопристойности
Заметки о Федеральном законе Российской Федерации
от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ О государственном языке
Российской Федерации**

Виктор Живов

Социолингвистика не обладает четкими критериями, по которым можно было бы определить, что одна языковая политика поддается осуществлению, а другая – не поддается. Нет твердых знаний и о том, какие инструменты языковой политики эффективны, а какие нет. Государственные законы вряд ли относятся к действенным средствам языковой политики; тем не менее в ряде стран они принимаются, и некоторые их положения находят даже практическое применение (обычно создавая какие-то неудобства для жителей соответствующей страны). Такого рода законы возникают, как правило, на фоне распространяющегося среди политической элиты ощущения, что язык «портится», а источником порчи является языковое поведение части образованного общества, пользующейся иностранными языками, вырабатывающей свой жаргон (или жаргоны, в частности молодежные) и злоупотребляющей заимствованиями. Ощущения этого типа нередко оказываются элементом более общей социокультурной парадигмы, парадигмы *ressentiment*'а, удручения несоответствием между чаемым величием страны (частично утерянным) и понижающимся статусом национальной культуры.

Образцом подобного нормотворчества является Закон об использовании французского языка, принятый во Франции 4 августа 1994 г. Закон прибавил работы устроителям конгрессов и конференций, которые должны теперь снабжать все доклады и публикации хотя бы кратким изложением на французском языке, и затруднил жизнь пользователям интернета и покупателям компьютерных программ: французская и английская версия оказываются иногда несовместимыми. Способствовал ли этот закон утверждению статуса французского как международного языка, практически утерянного после Второй мировой войны, привел ли он к хотя бы частичному восстановлению его «достоинства» и «чистоты», куда более сомнительно. Он бесспорно сыграл символическую роль, обозначив позицию политической элиты в отношении утраченного национального

величия и представив избирателям на выбор культурные амбиции соперничающих партий.

Российский закон о языке, вступивший в силу уже более года назад, никому никаких неудобств пока что не причинил и вообще, насколько можно судить, никаких практических последствий до настоящего времени не имел. Какие-то ощутимые результаты его действия появятся, видимо, в будущем в области языкового нормотворчества (об этом я еще скажу в конце данных заметок), однако к сегодняшнему дню нигде никаких видимых перемен не наблюдается. Сферы обязательного употребления русского языка были отчасти зафиксированы в иных более ранних законодательных актах, отчасти соответствовали сложившейся практике, так что никто не был вынужден переучиваться или перестраиваться. Так, скажем, реклама дается или исключительно по-русски или с вкраплением каких-то фраз, которые произносятся на иностранном языке и затем переводятся на русский; такой порядок не нов, он был предписан законом о рекламе от 14 июня 1995 г.

Наибольшую тревогу у филологов, журналистов и образованного общества в целом вызывала статья 1.6, которая в окончательном виде читается как: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Какие именно слова и выражения не соответствуют «нормам современного русского литературного языка» не так легко выяснить, а какие кары ждут нарушителя этих норм неясно, так что здесь, вообще говоря, открываются замечательные возможности для цензурного произвола (за употребление ненормативных элементов языка можно закрыть какую-нибудь передачу на телевидении или послать предупреждение газете). Так, скажем, в последнем издании орфоэпического словаря для слова *профессор* мн. число дается в форме *профессора*, а старая форма *профессоры* отмечена как *нерекомендуемая*¹; будут ли наказывать за старую форму, никому не известно. Если форму *профессоры* может спасти налет старины, то как быть с новыми и более сомнительными формами типа *договора* (сейчас допускается

---

¹ Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. Под ред. Р.И. Аванесова. Изд. 6-е. Москва: «Русский язык», 1997, с.458.

нормативными справочниками) или *шофера* (считается недопустимой)². Здесь нетрудно растеряться, а закон никакой растерянности, понятно, не предусматривает. За истекший год никого, впрочем, за ненормативные слова и выражения никак не наказали.

Неизбежные недоумения возникают в силу самой природы определяемых категорий. Между нормативными и ненормативными «словами и выражениями» современного русского литературного языка не проходит никакой четкой границы; мы имеем дело с ядром и размытой периферией, образуемой разнообразными и по-разному оцениваемыми языковым сознанием отклонениями от нормы. Как выделить отклонения, подлежащие криминализации, неясно, и только филологическая наивность российских законодателей побуждала их надеяться, что эту проблему можно решить. Предшествующие редакции данной статьи более ясно обнаруживают намерения составителей. Так, в редакции 2003 г. читалось: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование просторечных, пренебрежительных, бранных слов и выражений, а также иностранных слов при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке»; еще раньше в этой статье говорилось об обценных словах, а также словах и выражениях, оскорбляющих адресата по расовому, национальному, социальному, половому признаку. Из этих формулировок ясно, что именно хотелось бы запретить законодателям, но вместе с тем очевидно, что строгим лингвистическим дефинициям подобные категории не поддаются и поэтому в законе о языке такого рода запретам места не находится. Не удивительно, что практического применения подобные установления не получают.

Стоит отметить, что закон за время его подготовки существенно изменился. Замечания на его первые проекты я писал еще в 1999 г., указывая на филологическую безграмотность формулировок, и с тех пор видел по крайней мере четыре его варианта. Законодатели, хотя и не без непонимания, раздражения и недовольства, учитывали те возражения, которые делали им профессиональные филологи. Они учитывали их, однако же, сохраняя свои приоритеты, т. е. повторяя благопристойно-пуристические декларации во все менее и менее конкретной форме, так чтобы их невозможное лингвистическое содержание не бросалось в глаза. Так, например, в первоначальных вариантах говорилось о том, что

---

² Там же, с. 126, 629.

«соблюдение единых норм русского литературного языка в официальных сферах его использования на всей территории Российской Федерации является обязательным». С удивлением узнав, что «единые нормы» весьма расплывчаты, а там, где не расплывчаты, вряд ли могут быть приведены в действие с помощью декрета или приказа (например, указания в официальных сферах произносить исключительно ζ взрывное и избегать, как чумы, южнорусского ζ фрикативного), законодатели от «единых норм» отказались, но запрет на нечто ненормативное все же сохранили, равно как и представление о том, что русский язык в своей государственной ипостаси обладает особыми и жестко фиксированными нормативными параметрами.

Таким образом, нереальность перспективы практического внедрения закона была в целом ясна еще до его принятия, но это не уменьшало энтузиазма его сторонников. Для них первостепенной важностью обладала его символическая значимость, а не те нюансированные модификации языковой политики, которые могли бы быть его результатом. Содержание закона должно рассматриваться как символическое по преимуществу, так что именно символические его аспекты и подлежат анализу. Конечно, символический характер может быть приписан закону в целом, так как, согласно статье 1.5, он непосредственно связан с «защитой и поддержкой русского языка как государственного языка Российской Федерации», а эти защита и поддержка «способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации». «Защита и поддержка» направлены на язык как национальное достояние, на укрепление его престижа и культурного статуса, и с этой точки зрения представляют собой, как и все другие законы о национальных языках, националистические жесты, призванные противодействовать комплексу национальной неполноценности.

В пресуппозиции подобных деклараций проводится представление, согласно которому национальный язык нуждается в «защите и поддержке», т. е. находится под угрозой. Кто именно создает эту угрозу, из формулировок закона остается неясным, однако не вызывает сомнений, что речь идет о культурной ситуации, возникшей после конца советского режима. Виновны те, кто ответствен за эту ситуацию. В силу этого закон оказывался удобной манипулятивной площадкой для разных идеологических выпадов. Разные законодатели, видимо, могли возлагать эту ответственность на разных лиц или на разные секторы общества. Одни

относили погубление русского языка на счет «олигархов» и коррумпированных ельцинских сановников (среди внесших проект закона депутатов были такие известные обличители ельцинского правления, как Н.Н. Губенко и С.С. Говорухин), другие – на счет «распоясавшихся» журналистов (из внесших проект, надо думать, депутат-коммунист Т.А. Астраханкина), третьи, наконец, на счет людей, по легкомыслию не заботящихся о традиционной национальной культуре (позиция таких относительно либеральных «государственников», как В.Ю. Зорин и М.А. Мень). С приходом к власти В.В. Путина ситуация изменилась и закон стал встречать понимание у новой власти, стремившейся дискурсивно дистанцироваться от предшествующей непопулярной администрации.

Два социолингвистических момента характерны для позиции адептов этого квазилингвистического законодательства: протест против употребления ненормативных элементов (в первую очередь стилистически сниженных, коллоквиализмов) и протест против употребления заимствований. Оба эти момента объяснимы и объяснимы именно как моменты символические.

Просторечие или вульгаризмы обычно не воспринимаются как нечто предосудительное в рамках национально ориентированной культурной парадигмы. В эпоху романтизма устроители национальных литературных языков нередко ссылаются на свои «народные» корни, связывая с «народным духом» (а отсюда и с фольклором, который, конечно же, просторечен) особенности культивируемого ими языка. Так делают братья Гримм в Германии и Вук Караджич в Сербии, и А.С. Пушкин учится русскому языку у московских просвирен. Коллоквиализмы эпохи Горбачева и Ельцина имели, однако, совершенно иной характер. Они были необходимым элементом живой публичной речи, противостоявшей советской традиции (эпохи брежневского «застоя») говорения «по бумажке», омертвевшего официального языка.

Отработанная заданность и безличность была свойственна всей сфере публичной речи 1960-80-х годов. С началом перестройки изменение речевых навыков сделалось одной из актуальных политических задач. Это касалось, среди прочего, и ораторства политиков, добивавшихся личного доверия аудитории и нередко прибегавших к формам, подчеркивавшим спонтанность речи. И в наибольшей степени это относилось к средствам массовой информации, прежде всего телевидению. Его влияние было решающим в проведении политических и экономических реформ.

Появилось целое поколение популярных телеведущих, мастерство которых как раз и состояло в непосредственности и живости речи. Для этих риторических целей они нередко пользовались стилистически сниженными элементами, жаргонными выражениями и иными языковыми средствами, располагавшимися на периферии литературной нормы. Парадоксальным образом, умелое использование этих периферийных элементов сделалось в эпоху реформ лингвистическим капиталом (в смысле П. Бурдьё³) и стало ассоциироваться с постсоветскими преобразованиями, свободой слова, независимым телевидением и рыночной экономикой. Именно эта ассоциативная связь воздействовала на разработчиков закона о русском языке и обуславливала их протест против речевых вольностей. В империи, о которой они не переставали сожалеть, вольностям, как и свободе средств массовой информации, места не было; империя требовала имперского грандёра. Понятно, что путинский режим, культивирующий те же самые имперские ценности, поддержал усилия лингвистических антиреформаторов.

Схожая история с заимствованиями. Широкое использование заимствований оказывается культурно значимым феноменом едва ли не повсеместно, в истории самых разных народов и культур. В России эпидемии заимствований приходятся на периоды политических и культурных катаклизмов. И в этом отношении Россия никак не является уникальной, хотя подобное функционирование заимствований отнюдь не универсально (например, ничего похожего нет в истории французской культуры). Экстенсивное употребление заимствований символически осуществляет отказ от предшествующей культурно-политической традиции, которая воспринимается как национальная доминанта и как воплощение и символическая основа ниспровергнутого социального порядка. Осуществляющаяся революция (катаклизм) дискурсивно представляется как разрыв с национальной замкнутостью, как прорубание «окна в Европу», как интернационализация жизни. Этой интернационализации и соответствуют заимствования.

Именно так было в России в эпоху Петра Великого. Многочисленные глоссы при заимствованных словах, характерные для текстов, появившихся при Петре, ясно указывают, что заимствования выполняли не прагматическую функцию (как об этом часто говорится), а функцию

---

³ Pierre Bourdieu, *Language and Symbolic Power*, Ed. and introduced by J. B. Thomson, Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1991.

символическую⁴. То же самое, включая эпидемическое распространение и глоссирование, повторяется и после революции 1917 г.; подробный анализ этого явления дает А.М. Селищев⁵. Новую волну ксеномании приносит горбачевская перестройка и время ельцинских реформ. И здесь наплыв заимствований символизирует выход из советского изоляционизма, сближение с Западом, переход к нормальной (универсальной, интернациональной) демократической системе и рыночной экономике и т.д. Именно этот, ориентированный на весь «цивилизованный» мир образ жизни репрезентируют популярные заимствования конца 1980-х – начала 1990-х годов: *электорат, элита, консенсус, инфляция, дефляция, авуары* и т.д. Употребление заимствований в эпохи катаклизмов образует символический капитал, отмечая тех, кто движется вверх вместе с новой властью, «своих» для нее и в силу этого обладающих потенциалом «upward social mobility».

Катаклизмы по самой своей природе недолговечны. На смену периодам бурных преобразований приходят эпохи относительной стабильности. Они обычно осваивают преобразованные порядки и в то же время дистанцируются от преобразовательных инициатив и пафоса радикальных перемен. Что именно осваивается, а что отвергается, зависит от конкретного случая и плохо поддается типологизации. В России это спокойствие после бури реализуется как возврат к идее национальной империи (не буду сейчас вдаваться в объяснение этого внутренне противоречивого понятия) в разных ее воплощениях. Поскольку наплыв заимствований символизировал преобразования, дистанцирование от них рождает пуризм. Пуризм соответствует восстановлению национальных или псевдонациональных ценностей и вместе с тем оказывается дискредитацией

---

⁴ Об употреблении заимствований в Петровскую эпоху см.: В.М. Живов, *Язык и культура в России XVIII века*, М., Школа «Языки русской культуры», 1996, с.145-150 (там же и обширная литература вопроса). О Петровской эпохе как периоде культурной революции см.: James Cracraft. *The Petrine Revolution in Russian Culture*. Cambridge, Mass. and London, 2004.

⁵ А. М. Селищев, «Язык революционной эпохи», в кн.: А. М. Селищев, *Труды по русскому языку. Том 1. Социоллингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2003, с.47-279. Первое изд. работы Селищева вышло в 1928 г. Подробнее о социоллингвистической проблематике в языке революционной эпохи см.: В.М. Живов, «Язык и революция: Размышления над старой книгой А.М.Селищева 'Язык революционной эпохи' и над процессами, которые Селищев не успел описать», *Отечественные записки*, 2005, №2, с.175-200. Продолжая сопоставление русского культурно-лингвистического развития с французским, можно отметить, что во французской революции доминировала концепция национального суверенитета, абсолютно чуждая революции российской, замышлявшейся как часть революции мировой; отсюда и разная символическая роль заимствований.

того символического капитала, которым пользовались деятели эпохи преобразований. Смена парадигм в той или иной мере сочетается со сменой элит. Так было в эпоху императрицы Елизаветы Петровны, и в этом плане пуристические опыты Ломоносова кажутся вполне закономерными. Так было и в Советском Союзе 1930-х годов. Под сенью сталинской схоластической формулы культуры «национальной по форме, социалистической по содержанию» национальная традиция оказывается востребованной новой советской элитой и русский патриотизм становится частью нового имперского дискурса. Национальный лингвистический капитал, в революционную эпоху под напором идей радикального интернационализма и мировой революции получивший негативные коннотации, теперь восстанавливает свои права. То же самое, по-видимому, происходит при В.В. Путине, и именно в эти процессы вписывается Закон «О государственном языке Российской Федерации». Это антиреформистский закон, символизирующий возврат к национально-имперской парадигме.

Высказанными выше соображениями определяется и круг адептов рассматриваемого закона, и его символическая значимость. Понятно, что, будучи имперским символом, он и не требует никакого практического воплощения, так что нет оснований удивляться его бездействию. Он и предназначен не действовать, а молчаливо репрезентировать вектор политического развития. Утверждая это, нужно, однако, сделать одну оговорку.

При чтении закона бросается в глаза, что целая статья (4.1-8) посвящена различным благодеяниям, которые органы государственной власти должны совершать в отношении русского языка. Они и «разрабатывают и реализуют направленные на защиту и поддержку государственного языка Российской Федерации <...> федеральные целевые программы» (4.2), и «принимают меры по совершенствованию системы образования и системы подготовки специалистов в области русского языка и преподавателей русского языка как иностранного языка» (4.4), и «содействуют изучению русского языка за пределами Российской Федерации» (4.5), и «осуществляют государственную поддержку издания словарей и грамматик русского языка» (4.6), и даже принимают неведомые «иные меры по защите и поддержке государственного языка Российской Федерации» (4.8). Если забыть о том, что образование и наука в России финансируется по большей части из государственного бюджета и что,

соответственно, все эти деяния государственной власти рутинны и осуществлялись до принятия рассматриваемого закона точно так же, как и после его принятия, список производит некоторое впечатление. Это впечатление ослабляется тем, что никакие параметры государственной поддержки не указаны (например, в процентах от ВВП или от общих расходов бюджета или в каких-либо других осязаемых единицах), так что возникает подозрение, что все эти статьи имеют чисто декларативный характер.

Менее заметна, но куда более связана с практическими действиями статья 1.3: «Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации». В настоящее время после долгих бюрократических согласований подготовлено и постановление Правительства о том, как должна работать эта статья. Межведомственная комиссия по русскому языку, существующая при Министерстве образования и науки Российской Федерации и возглавляемая министром образования и науки А.А. Фурсенко, будет представлять в правительство списки грамматик и словарей, содержащих нормы «современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации», которые и будут утверждаться правительством. Там, где существующих пособий недостаточно (что, естественно, определяется заинтересованными лицами), будут издаваться новые пособия (см. высказывания ректора Петербургского университета Людмилы Вербицкой:

<http://www.inauka.ru/linguistic/article54991.html>). В этом направлении можно предвидеть прямые практические результаты принятия закона, причем результаты, связанные с существенными финансовыми средствами, выделяемыми на подобные издания (которые и сами по себе могут быть достаточно доходными). Эта прагматическая составляющая на первый взгляд не слишком заметна, но несомненно сыграла существенную роль в принятии закона. И в этом отношении обсуждаемый закон хорошо вписывается в деловую жизнь путинской России: мы имеем здесь дело с очередным перераспределением государственных средств, контролируемых бюрократией и направляемых доверенным лицам правящей администрации⁶.

Таким образом, Закон о государственном языке Российской Федерации появился благодаря совмещению различных интересов новой путинской элиты: интересы идеологические наложились на интересы прагматически финансовые. Вместе с тем никакого противодействия закон не встретил, поскольку очевидного вреда никто от него не ждал, а ставить под сомнение ценность такого национального достояния, как русский язык, всем было невыгодно. Возражение филологов, указывавших на неустрашимую расплывчатость формулировок, никого не взволновали, по той естественной причине, что наука не обладает политическим весом, а филологическая грамотность мало интересует патриотических законодателей.

---

⁶ Любопытно в этом плане, что сейчас в Петербургском Законодательном собрании находится на рассмотрении Закон Санкт-Петербурга «О гарантиях права на изучение, развитие и использование русского языка в Санкт-Петербурге». В проекте этого закона подробнее, чем в законе федеральном расписаны пуристические требования к публичной речи, ср. статью 4.1 «В Санкт-Петербурге в случаях, установленном настоящим Законом Санкт-Петербурга, не допускается использование элементов других языков, кроме русского, независимо от их графической формы» и 4.2 «В Санкт-Петербурге не допускается использование элементов русского языка, являющихся: неассимилированными иноязычными заимствованиями; фонетически, орфографически или синтаксически неправильными вариантами». Вместе с тем в законе на администрацию Петербурга накладываются обязательства финансировать различные образовательные программы по русскому языку и учреждается Совет по поддержке и развитию русского языка при Законодательном Собрании Санкт-Петербурга, который должен наблюдать за реализацией декларируемой языковой политики.